

В большинстве случаев исправления не приближают перевод к подлиннику и имеют стилистический характер:

А при нем и лук и стрелы.   За плечами лук и стрелы.
(ода III, с. 11, стих 19)

Ну, посмотрим-ко, сказал,
В чем испортилась в погоду
Тетива моя? — И лук
Вдруг напряг, стрелой
                                 ударил
Прямо в сердце он меня. . .   Поразил меня стрелой.
(ода III, с. 11, стихи 24—29)

Посвященную любви
Розу окропим вином,
И румяною сей розой
Увенчаем мы чело;
Будем пить с усмешкой
                                 нежной.
Посвященную любви
Розу вспырнем мы вином,
И, румяною сей розой
Увенчав свое чело,
Будем пить с усмешкой нежной.
(ода V, с. 17, стихи 1—5)

Пусть тут отрок кудреватый. . .   Пусть нам юноша кудрявый. . .
(ода VI, с. 19, стих 8)

И легиньким крылом
Его я отеняю.   И крылышком его
Легонько отеняю.
(ода X, с. 27, стихи 32—33)

Иль тотчас будешь сам
Ты в пламени растоплен.   Иль тотчас будешь сам
Ты мной в огне растоплен
(ода X, с. 31, стихи 18—19)

Кто также, говорят,
На берегах Клароса. . .   Кто также на берегах,
Вещают нам, Клароса. . . ²¹
(ода XIII, с. 37, стихи 7—8)

В оде XVIII неудачной представляется замена эпитета «невооруженный» кратким причастием «обезоружен» (с. 51, стих 24), что искажает авторскую мысль, предполагая некоторое активное действие:

Χάρασσ' Ἐρωτασ ἀνόπλους.
(Вычекань Эрота невооруженного (буквально — безоружного,
беззащитного)).
(ода XVIII, с. 48, стих 14).

Остальные поправки в стихах первой книги — это изменение порядка слов, варьирование грамматических форм, замещение одних слов (в подавляющем случае односложных) другими, что не дает материала для обобщений и вызвано индивидуальным чувством стиля писателя.

²¹ Это единственный случай введения славянизмов, что, видимо, объясняется желанием усилить проноию в оде XIII при описании подвигов «женоподобного» Аттиса.